

Девушка
с характером

Галина
Гордиенко

Назови меня
полным именем

Галина Гордиенко

Назови меня полным именем

«Центрполиграф»

2009

Гордиенко Г. А.

Назови меня полным именем / Г. А. Гордиенко —
«Центрполиграф», 2009

Тасе Гончаровой пришлось очень рано повзрослеть – в тринадцать лет. Ее родители погибли в автомобильной аварии. Самым близким человеком стала баба Поля да еще одноклассник Федор, для которого она долго была просто «мелкой». В последние годы он до того часто пытался пристроить Тасю замуж, что девушка решила отомстить, ответив ему тем же, и познакомила друга со сногшибательной красоткой Эльвирой. А сама все мечтала о «принце», встречу с которым предсказала ей когда-то баба Поля. И вдруг это произошло: и все заветные условия «принц» выполнил, и все-то у них хорошо, но почему так ноет сердце при взгляде на высокого красавца Федора и приткую Эльвиру...

© Гордиенко Г. А., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Галина Гордиенко

Назови меня полным именем

Глава 1

Таисия

Утром Таисия разбила бокал и сразу поняла: вот оно, начинается! Она с раннего детства чувствовала, когда вступала в полосу неудач.

Настроение безнадежно испортилось – это был любимый бокал еще кузнецовского фарфора, подарок бабы Поли, дальней маминой родственницы. Ее пригласили в дом няней для годовалой Таисии, через двенадцать лет баба Поля заменила девочке погибших родителей.

Округлый, самых благородных форм – ни одна чашка в доме не ложилась в руку удобнее, – с соловушкой на ветке цветущей сирени, этот бокал сопровождал Таисию повсюду. Она практически не расставалась с ним – и чай в поезде пила, и на дачу брала, и в походы, и в больницу, когда вырезали аппендицит. Старинный нянин бокал превращал в уютный дом даже захлавленную комнату в студенческом общежитии, когда Таисия ездила на практику в Санкт-Петербург.

И бокал вдруг разбился! Упал из неловких ее рук и раскололся на две почти равные половины.

Таисия расстроено шмыгнула носом и бережно завернула осколки в вафельное полотенце, она не собиралась выбрасывать их – вдруг получится склеить? Конечно, горячий чай из бокала уже не попить, но можно насыпать в него сахар, например. Тогда бокал по-прежнему будет стоять на столе, и соловушка останется в доме. Таисия привыкла к его лукавому круглому глазу, эта крошечная птица всегда казалась удивительно похожей на бабу Полю.

Прижимая к груди осколки, Таисия подошла к серванту. Баба Поля с фотографии смотрела укоризненно.

Девушка виновато воскликнула:

– Знаю-знаю, ничего страшного не произошло! Мне просто жаль его, понимаешь? Жаба давит, такая вот я у тебя жадная. Что выросло, то выросло, сама воспитывала...

Теперь глаза бабы Поли смеялись. Таисия сама усмехнулась: ну и дурочка она, нашла из-за чего расстраиваться!

Не было на этой земле человека, с которым бы Таисия считалась больше, чем со своей старой нянюшкой. Упрямый факт, что бабы Поли уж который год как нет на белом свете, в расчет не принимался: какая, собственно, разница?

Баба Поля всегда говорила, что жизнь человеческая этим миром не заканчивается. Мы живем, тела наши старятся, изнашиваются, вот и приходится выбираться – пусть и не хочется порой! – из земной колыбели, зато дальше...

Тут баба Поля мечтательно улыбалась, иногда и ее фантазия давала сбой. Баба Поля плохо представляла, что ждет ее после этой жизни, но свято верила – непременно что-то интересное и очень, очень хорошее.

Таисию баба Поля обещала не забывать, присматривать за ней из другой своей реальности и любить по-прежнему. И советами обещала помогать, только Таисия и сама должна не плошать, вылавливать нянюшкины советы из «мирового эфира».

Баба Поля всегда была оптимисткой, для нее не существовало несчастий, она и свою любимицу так воспитывала.

Мама только руками беспомощно разводила, выслушивая сентенции дальней родственницы, но что она могла сделать – не бросать же работу? И в садик дочь не отдашь: малышка слишком часто болела. В школу пошла – ничего не изменилось. В соседнем классе кто-нибудь кашляет – Таисия моментально слегет то с гриппом, то с ангиной. Только воспалением легких в семь лет дважды переболела, а бронхиты вообще не пересчитать, хоть на домашнее обучение переводил ребенка!

Баба Поля оказалась незаменима. Счастье, что старушка привязалась к девочке и жила с ними, хоть и грозила время от времени уехать на родину умирать.

Родители возмущались: просто навязчивая идея – умереть непременно на родине. Пусть камни с неба, но вези ее умирать в родную деревеньку Боголюбово. Мол, там родилась, там же похоронены родители и любимый муж, с которым и прожила-то баба Поля всего ничего – пару лет, зато каких чудных и незабываемых...

Так девочка и росла под неспешные рассказы бабы Поли. Сказок старушка не признавала, называла враками, считала – жизнь подбрасывает истории куда интереснее. Люди просто слепы, не замечают их, глупые сериалы смотрят часами, а собственного времени им не жаль.

Таисия и сейчас, закрывая глаза, слышала чуть картавый говорок нянюшки: «Вот исполнилось мне восемь лет, и пошли мы в лес самый настоящий, первозданный, сейчас и нет таких, все повывели...»

Или: «Моя бабушка, когда пошла на первую исповедь...»

Или: «В царские времена в нашей деревне школа стояла приходская, и мой дед так учиться хотел, что сам пошел в первый класс записываться, пяти ему не исполнилось – может, потом с него и Филиппка написали, как считаешь?..»

Истории сегодняшние в ее изложении ничем не отличались от историй давно минувших дней, люди ушедшие жили в них не менее полной жизнью, чем мама с папой, Таисия или сама баба Поля.

Маленькая Таисия и не замечала, что не делает между бабушкиными героями никакой разницы. Просто мама с папой рядом, а кто-то далеко-далеко, с ними не поиграешь и не поболтаешь, хотя...

Баба Поля запросто беседовала со своим умершим мужем и «родной маменькой». Ставила перед собой древние выцветшие фотографии – еще черно-белые – и обстоятельно докладывала хрупким картонкам, как прошел день.

Мама с папой сердились, слыша эти ее разговоры, называли бабу Полю сумасшедшей старухой, а маленькая Таисия воспринимала все как должное. И ничуть не удивлялась, когда баба Поля, вернув снимки дорогих людей на книжную полку, деловито сообщала: «В парк сегодня не пойдем. Маменька сказали-с – дождь вот-вот начнется, ты опять с бронхитом слегешь, так что побережемся».

Баба Поля – или ее маменька? – никогда не ошибалась в прогнозах. Дождь действительно начинался, да еще с пронзительным ветром, пусть по телевидению и обещали всего лишь «переменную облачность».

Они оставались дома. Баба Поля ставила тесто на пироги – Таисия обожала морковные и с зеленым луком, – зато никаких простуд!

Баба Поля не любила пессимистов, не понимала их – ведь жизнь так хороша! Для нее не существовало плохих событий, а если и случались вдруг неприятности... они обязательно предвещали счастливые перемены!

«Жизнь, она как качели, – разъясняла баба Поля воспитаннице. – Вверх-вниз, вверх-вниз, иначе не интересно, понимаешь, Таисия? Если вниз не опустишься, то и вверх не взлетишь, вот ведь как смешно в этой жизни устроено...»

Если маленькая Таисия падала, в кровь разбивая колени, баба Поля не паниковала, не бросалась с утешениями, а радостно говорила: «Малая беда большую отводит! Подумаешь – ноги, не голову же проломила...»

Если Таисия рвала любимое платье, баба Поля смеялась: «Видно, пришла пора новое полюбить, из этого уже выросла, ишь, голенастая в нем какая...»

Мама с папой не терпели сентенций старухи, но и у них поднималось настроение, когда на папины жалобы – неприятности на работе – баба Поля оптимистично восклицала: «Какие пустяки, было б из-за чего расстраиваться! – и говорила отцу, доверительно понижая голос: – Теперь непременно жди удачи, помнишь, месяц назад обещали повышение? Вот чувствует мое сердце...»

Ее сердце чувало верно, папу скоро действительно ставили начальником цеха, да и все остальные предсказания бабы Поли так или иначе сбывались.

Восьмилетней Таисии казалось, родители побаивались няню. Мама порой просто закрывала уши ладонями и раздраженно кричала: «Ничего не хочу знать, пусть будет как будет, только молчите, Христа ради, тетя Поля!»

Зато отец...

Таисия не раз слышала, как он, перехватив старушку в коридоре, шепотом спрашивал всякие глупости. Например, останавливать ли автоматическую линию для профилактического ремонта или можно месяц потянуть, работы очень много, план буквально горит... И если баба Поля строго говорила: «Тормози, Павел Ефимыч, как бы беды не вышло, что-то сердце неспокойно, тянет слева, вот тут...» – никогда не спорил, лишь мрачнел и хватался за телефон.

Мама высмеивала эти прогнозы, сердилась на мужа, но ничего поделать не могла. После нескольких верных предсказаний суеверный отец предпочитал дуть на воду.

Свою воспитанницу баба Поля ни разу не назвала уменьшительным именем, даже к трехлетней малышке она обращалась исключительно – Таисия. Мол, такое прекрасное имя грешно уродовать.

Баба Поля искренне верила – каждый человек соответствует своему имени, оно как бы определяет его дальнейшую жизнь, характер, внешность, даже судьбу.

Любимица должна расти непременно Таисией! А Таечкой пусть зовут какую-нибудь милую кошечку, а не ее девочку, умницу-разумницу с чутким сердечком, настоящий подарок Господний, светлый лучик в ее многотрудной жизни.

Баба Поля как-то шутиливо пообещала десятилетней девочке, что именно ТАК она узнает своего суженого – он тоже станет звать ее исключительно Таисией, чувствуя редкостную красоту имени.

Мол, она, баба Поля, точно знает, ей маменька сказали-с.

«Сказали-с» – знак самого настоящего уважения, так баба Поля говорила лишь о матери, ни о ком другом.

Таисия выросла, она прекрасно понимала, что нельзя воспринимать давние слова бабы Поли как истину, но...

Всем новым знакомым девушка представлялась непременно Таисией и невольно мрачнела, слыша в ответ: «Таечка, значит?»

Тая, Тася, Тайка, Таечка, Таюша, как-то ее называли даже Таис, но никогда – Таисией.

Настоящее имя будто заколдовали после смерти бабы Поли.

Девушка ругала себя и по-детски сердилась на бабу Полю, с ее глупыми пророчествами, но ничего поделать не могла – ну не воспринимала она всерьез молодых людей, коверкающих ее подлинное имя! Внутренняя убежденность – «не тот» – не оставляла новым знакомым никаких шансов завоевать ее сердце. Они могли стать только друзьями.

А ведь кое-кто из них – до того, как называл ее очередным уменьшительным именем, – Таисии по-настоящему нравился.

Ох уж эта баба Поля!

* * *

Таисия осторожно поставила склеенный бокал на подоконник и отступила на шаг, любясь собственной работой: трещина была практически незаметна. Ну, если не присматриваться.

Она улыбнулась соловушке и довольно пробормотала:

– Послужишь еще...

Звонок в дверь заставил Таисию вздрогнуть и посмотреть на часы – почти восемь вечера. Неужели Федор Федорович все-таки решился приехать? Он уже неделю грозился вытащить ее вечером в город – «людей посмотреть, себя показать, элементарно прошвырнуться, то да се...»

Нагрянуть без звонка – это Федор Федорович мог запросто, чтобы не выслушивать по телефону отговорок. Он только за собой признавал право принимать решения, а уж о свободе воли...

Нет, поговорить о ней – всегда пожалуйста! Но с диктаторскими замашками Федора Федоровича ни о какой свободе воли и речи идти не могло, они потому и дружили со старших классов, что Таисия предпочитала мирно плыть в кильватере.

Странной вышла их дружба. Таисию тогда перевели в новую школу с математическим уклоном. Отец вдруг решил, что у дочери развито логическое мышление, впереди замаячил технический вуз, срочно требовалось уйти из обычной районной школы, где на математику, физику и информатику обращали внимания не больше, чем на литературу и историю. Погоняв же Таисию как-то вечером по физике, отец схватился за голову – пятерки ставили дочери явно за красивые глазки, ничего они не стоили, эти пятерки, ребенок не понимал простейших физических законов, затвердил, как попугай, несколько определений.

Нужно было срочно что-то делать!

Таисии только исполнилось двенадцать, близкими друзьями в классе она так и не обзавелась, ей вполне хватало общения с бабой Полей. Таисия легко согласилась сменить школу – какая разница, где учиться?

В новом классе ее встретили равнодушно. Невысокая, худенькая, неяркая Таисия не произвела впечатления на сверстников. А уж «плавание» у доски на первом же уроке математики – учитель решил проверить уровень ее знаний – вызвало презрительные усмешки одноклассников.

Таисия вдруг оказалась за последней партой, одна, девочка словно стала невидимкой, на нее не обращали внимания. Жизнь класса проходила мимо: Таисию ни о чем не спрашивали, не вовлекали в разговоры на переменах, не приглашали за столик в школьной столовой, не просили запасную ручку или «на минуту» учебник, не замечали исчезновений, когда Таисия болела, безразлично и снисходительно кивали на ее робкие приветствия по утрам.

Девочка тысячи раз пожалела, что сменила школу. В той, старой, она не чувствовала себя изгоем или серой мышью, пусть и не была на ведущих ролях. Даже явные успехи в учебе – Таисия довольно быстро нагнала класс – не произвели впечатления, ее пятерок будто не заметили.

Летом, когда Таисия перешла в восьмой класс, погибли родители. Возвращались вечером с дачи, в новенькую «ауди», только-только купленную папой, врезался пьяный водитель на огромной фуре. Мать с отцом умерли мгновенно, их едва извлекли из смятой в консервную банку машины.

Хоронили обоих в закрытых гробах, впрочем, Таисия на похоронах не присутствовала: баба Поля не позволила, отправила на неделю к своей подруге. Баба Поля не хотела, чтобы

в памяти девочки вместо живых отца с матерью остались закрытые гробы и невнятные речи сослуживцев, ошеломленных внезапным несчастьем.

Убитая горем Таисия не возражала. Она вообще как-то смутно понимала, что происходит, жизнь казалась конченной, она не жила больше – существовала. Случившееся выглядело дурным сном, кошмаром, стоило только проснуться...

Проснуться не получалось.

Пока родители были живы, Таисию не тревожило их отсутствие. Мама с папой вечно пропадали на работе до позднего вечера, папа частенько возвращался домой, когда она уже спала.

Теперь же квартира странно опустела, стала гулкой и страшной, Таисия с бабой Полей никак не могли заполнить четыре большие комнаты. Всегда ненавидевшая телевизор, баба Поля стала включать его с раннего утра, чуть приглушая звук. И магнитола на кухне хриловато утешала их старыми песнями, баба Поля признавала исключительно радио «Ретро-FM».

Эти звуки казались Таисии единственно живыми, сама она старалась молчать, отвечала на вопросы нянюшки коротко и односложно. Собственный голос то и дело срывался, горло перехватывало, горячие комки мешали дышать, глаза горели от непролитых слез, в них будто песка насыпали.

Наступившему сентябрю Таисия обрадовалась впервые в жизни – все, что угодно, лишь бы поменьше бывать дома.

И баба Поля оживилась. Энергично таскала Таисию по школьным базарам и по-детски удивлялась многоцветным и разнообразным обложкам тетрадей и дневников. Увлеченно скупала их десятками и одобрительно хмыкала, рассматривая дома яркие новые модели машин, плечистых суперменов и длинноногих див – неизвестных ей звезд эстрады и экрана.

Таисия, не желая расстраивать бабу Полю, с трудом растягивала губы в улыбку и согласно кивала на любое заявление старушки.

Нянюшку обмануть не удавалось. Глядя на застывшее лицо девочки, она сердито выговаривала: «Грешно мертвой по живой земле ходить! И мать с отцом грешно тревожить, каково им видеть тебя такой убитой, сама подумай! Отпусти их, девка, пожалей несчастных, дай свободу, не висни якорем на их душеньках...»

На робкие возражения Таисии баба Поля внимания не обращала. У нее были свои представления о жизни и смерти, странно языческие, не мешавшие ей, впрочем, искренне считать себя христианкой: а как же? И маменька, и папенька, и деды-прадеды, все из православных, кто она такая, чтоб нарушать обычаи, предавая собственный род...

Церковь баба Поля почему-то не любила. Ей многое не нравилось там: душный запах ладана, горящие свечи, священники, в большинстве своем молодые дюжие мужики, на которых пахать и пахать, а они молитвы гнусавят да кадилом машут, пользы от них миру и пастве никакой...

Порой раздражали бабу Полю и верующие. Она с досадой думала, поджимая губы: «Все больше с просьбами сюда тянутся, все дай, дай им, все ручонки загребушие к Господу тянут. Нет бы радостью поделиться, спасибо Всевышнему сказать за мир наш ладный, преподнесенный дуракам слепым на блюдечке...»

Таисии она убежденно говорила, что церковь – костыль для слабых и убогих, для сильных же храмом Божиим служит весь мир. А кому-то и собственного сердца достаточно, чем не алтарь в храме Господнем? И огонек жизни сам Создатель зажег, не кто-нибудь...

В школу первого сентября Таисия прибежала раньше всех, баба Поля отпустила ее без слов, украдкой перекрестив спину девочки. Она частенько так делала, бездумно повторяя еще материнский жест, свято верила, что крест, начертанный любящей рукой, охраняет и оберегает.

Пустой класс внезапно напомнил Таисии осиротевшую квартиру, но она раздраженно встряхнула головой – вот уж нет! Через полчаса здесь будет полно людей, и она даже на последней парте сможет наблюдать за веселой и шумной суетой одноклассников.

Таисия подошла к своему месту и судорожно вздохнула: голгофа! Снова сидеть одной, видя перед собой лишь чужие затылки. С другой стороны, в душу никто лезть не станет, уже хорошо.

Она бросила взгляд на стенд и невольно хмыкнула: самая нижняя отметка была ее собственной, верхняя принадлежала Федору Федоровичу, самому высокому парню класса, а то и школы.

Здесь так повелось с самого начала – первого сентября, торжественно, на первом же уроке, отмечали рост «две крайности». До прихода Таисии самой маленькой в классе считалась Инна Мордюкова, как же она обрадовалась появлению новенькой! А Федор Федорович неизменно оставлял верхнюю зарубку, еще бы, такой мамонтище...

Таисию не удивило, что огромного парня звали Федором Федоровичем, даже учителя, причем без всякой иронии, вполне привычно и серьезно. Коротенькое имя Федор как-то не подходило этому типу, он вообще мало напоминал школьника, эдакая гора, что рост, что ширина плеч.

Инна рассказывала – он с первого класса был на голову выше всех. Первая учительница, когда знакомясь с малышами, изумленно воскликнула, разглядывая мальчика: «Какой же ты Федя? Ты самый настоящий Федор Федорович!» С тех пор так и пошло. Вначале в шутку, а потом уже по привычке все в школе стали звать семилетнего мальчишку Федором Федоровичем.

И не только в школе. Федором Федоровичем его звали все – родители, младшая сестра, соседи. Ему как-то шло это имя.

Большущий! Таисия рядом с ним чувствовала себя жалким пигмеем. Впрочем, как и остальные ребята в школе.

Федор Федорович, кажется, занимался тяжелой атлетикой, Таисия что-то в этом роде припоминала. Наверное, штангу поднимал или ядро толкал, такому слону это запросто.

Таисия воровски оглянулась на дверь и подбежала к стенду. Повернулась к нему спиной и быстро чиркнула фломастером над затылком. Овернулась и разочарованно засопела: ничуть не выросла. Разве что на сантиметр. Опять она самая коротышка, как обидно! Снова будут дразнить Мелкой, мерзкая кличка вместо имени. Инка от нее избавилась, а Таисии не повезло, считай, по наследству кличка досталась – ну почему она не подросла за лето?!

Таисия посмотрела на часы – до звонка почти пятьдесят пять минут – и подошла к окну, рассеянно рассматривая школьный двор, яркие осенние клумбы и распахнутую настежь калитку.

Никого!

Даже учителя не спешили на работу, только два парня-охранника курили на крыльце, что-то неслышно обсуждая. Вот они дружно захохотали, и Таисия послушно перевела взгляд на выложенную плиткой дорожку – да, картинка маслом!

Крошечный первоклассник – букет гладиолусов в руках у бабушки с него самого ростом! – буквально тащил к школе упирающихся родителей. Таисия видела, как отец малыша показывал на часы, видимо уверяя сына, что еще рано и они никуда не опаздывают. Молоденькая мама счастливо улыбалась, а бабушка с торжественным лицом шла позади всех, неся цветы и новенький ранец.

Таисия рассмеялась, и вдруг горло перехватило: когда-то она точно так же пришла первый раз в школу. Гордо шла между мамой и папой, крепко держала их за руки, а взволнованная баба Поля несла розы. Красные-красные, полураспустившиеся. Таисия и сейчас помнила их свежие тонкие лепестки и нежный сладковатый аромат. Вот только ранец она несла сама, он

был за плечами, первый ее ранец с прекрасной голубоволосой Маль-виной на крышке, семилетняя Таисия никому не могла его доверить.

Непрощенные воспоминания все испортили. Таисия вдруг поняла: она так рано пришла сюда именно потому, что мамы с папой больше нет. Раньше она всегда прибегала в школу в последние минуты, даже первого сентября, зато сегодня...

А все ее одноклассники дома!

Все!!!

И Инка Мордюкова, бывшая Мелкая, и Ленка с Наташкой, первые школьные красавицы, и ехидный Витька Крысин, кривоногий и лопоухий, и невозмутимый Федор Федорович с глазами-незабудками...

Это мамино выражение. Таисия помнила, как восхищалась мама «нежными девичьими очами» на мальчишечьем лице довольно жесткой лепки.

Таисия стояла у окна, не пытаясь вытереть слезы. Школьный двор стал размытым, лица счастливого первоклассника и его родителей превратились в блеклые невнятные пятна, утреннее небо внезапно стало тусклым, слепым, страшным...

Если верить бабе Поле, мама с папой могут видеть ее сейчас, вот такую, в слезах, с распухшим носом, несчастную и никому не нужную.

И пусть! Сами во всем виноваты. Какое они имели право умереть, бросив на произвол судьбы единственную дочь? Таисия не просила о рождении, а они родили ее и оставили одну, ее и старенькую бабу Полю. Теперь она тут не знает, что делать, а мама с папой ТАМ, им хорошо...

Таисия бессильно погрозила небу кулаком и зарыдала взахлеб, не в силах сдерживаться. Противный колючий комок раздирал в клочья ее сердце, ее легкие, ее горло...

Таисия не слышала, как хлопнула входная дверь. Она вздрогнула от неожиданности, когда на плечо легла тяжелая рука, странно горячая, тощее плечико Таисии буквально плавилось под чужой ладонью.

– Эй, ты чего, Мелкая? – растерянно прогудело над ее головой. – Что-то случилось?

Душу девочки затопила полынная горечь: она еще и опозорилась перед классом, распустила слезы и сопли, как последняя малолетка. Ее и без того за человека не считали, а теперь...

Таисия обернулась. Ей стало совсем плохо, девочка и не думала, что такое возможно: перед ней стоял Федор Федорович, последний человек в мире, перед которым она предстала бы добровольно с распухшим носом и красным зареванным лицом.

С ненавистью глядя в пронзительно-голубые глаза, Таисия сбросила тяжелую руку с плеча и выдохнула:

– Я не Мелкая, понял?! У меня есть имя!

– Да, я помню, – добродушно хмыкнул Федор Федорович. – Тебя Таисией звать. Я и фамилию не забыл, ты ведь Гончарова?

– Дурак!

– Не ругайся, тебе не идет. Лучше лицо вытри, пока никого нет.

Таисия растерянно зашарила по карманам и с ужасом поняла, что носовой платок благополучно остался в приготовленном бабой Полей итальянском костюме, она же из протеста влезла утром в старые джинсы, отложенные в стирку. Баба Поля промолчала, что удивительно. Даже когда Таисия натянула черную футболку, она ничего не сказала, лишь поморщилась.

– Суду все ясно, – пробормотал Федор Федорович, с невольной жалостью всматриваясь в худенькое бледное личико. – Подожди, кажется, мать совала...

Таисию передернуло от слов, сказанных просто и естественно, – этот кретин и не подозревал, насколько счастлив!

Слезы вновь хлынули градом, Таисия не успела отвернуться.

«Да что со мной?! – зло думала она, больно прикусив нижнюю губу. – Я так не ревела, даже когда ЭТО случилось...»

Она резко отвернулась и бросилась к своей парте, но Федор Федорович перехватил ее и, как пушинку, усадил на учительскую кафедру. Сунул в руки клетчатый носовой платок, аккуратно отутюженный, и сурово встряхнул за плечи:

– Из-за чего истерика?

– Так, – прошептала Таисия, благодарно пряча в платок распухшую физиономию.

– «Так» в жизни ничего не бывает, – хмыкнул Федор Федорович, снисходительно рассматривая шуплую фигурку – в чем только душа держится? – Отец говорит – всему есть причина...

Таисия вцепилась зубами в носовой платок и судорожно вздохнула, пытаясь сдержать слезы.

– Кончай издеваться. – Она осторожно вытерла платком влажное лицо.

– Издеваться?

– «Мама сунула, отец говорит...» – передразнила Таисия.

– Так правда же!

– Ага, правда! А у меня... у меня...

Таисия глухо всхлипнула, не в состоянии произнести страшные слова, она еще ни разу их не произносила. Почему-то чувствовала: как только скажет, что-то закончится в ее жизни. Будто, пока она вслух не признала, что родителей больше нет, все еще может измениться, они вернуться...

– Да что у тебя?!

Федор Федорович так встряхнул ее, что у Таисии зубы клацнули. Она развернулась к однокласснику и сдавленно сказала: глядя в ненавидистые синие «девичьи очи», как говорила когда-то мама:

– У меня больше нет мамы и папы, понял?! До Федора Федоровича не сразу дошли ее слова. Он неверяще пробормотал:

– Что?

– Их нет, ясно? Ни мамы, ни папы. Нет!!! Таисия с мстительной радостью наблюдала, как у счастливчика Федора Федоровича бледнеет лицо, выцветают радужки, теряя всю свою «девичью» неземную красу. Становятся холодными, светлыми, прозрачными, почти серыми, как подтаявший лед весной. И зрачки вдруг расширились.

Таисия схватилась обеими руками за столешницу так, что побелели костяшки пальцев, и с трудом выдавила:

– Какой-то урод врезался в их машину, когда мама с папой возвращались с дачи. Эта пьяная гадина на трейлере, а мои – на легковушке. И все кончилось. Сразу. – Она всхлипнула и тоненько выкрикнула: – Я не понимаю, правда! Они только что были, и вот их уже нет!

Федор Федорович гулко сглотнул. Потом пальцем приподнял подбородок Таисии и, глядя ей в глаза, хмуро спросил:

– И с кем ты... осталась?

– С няней, с бабой Полей. – Таисия совсем по-детски шмыгнула носом. – Она дальняя мамина родственница, седьмая вода на киселе. Но она очень хорошая. Очень. Только совсем старая.

Федор Федорович молча кивнул. Таисия торопливо привела лицо в порядок. Пригладила ладонью волосы и подумала, что большего в полевых условиях ей не сделать. Неловко сползла с учительского стола и угрюмо пробормотала:

– Ты... это... не бери в голову. Мои проблемы, не твои. Сама не знаю, с чего сорвалась...

Она бросила взгляд на замызганный носовой платок и суетливо затолкала его в карман – не возвращать же в таком виде? Вот постирает и отдаст.

Федор Федорович на ее неловкий лепет никак не отреагировал. Зато, к искреннему удивлению Таисии, бросил спортивную сумку на ее стол. И занял соседний стул.

Ее разрешения он не спрашивал, возражения вряд ли бы услышал. Федор Федорович принял решение – и точка.

С тех пор жизнь Таисии резко изменилась. Федор Федорович стал таким же обязательным и неизбежным звеном в ней, как и баба Поля. В классе больше ни одна живая душа не звала ее Мелкой, кроме самого Федора Федоровича, для остальных она стала Тасей. С его же подачи.

Таисия хмуро улыбнулась, вспоминая, с каким изумлением класс принял новое положение дел: самая некрасивая и незаметная девчонка оказалась за одной партой с самым известным парнем школы, чемпионом города и области по многоборью. И к тому же под его надежной защитой.

Сама Таисия не сказать чтобы сильно радовалась этому: Федор Федорович оказался настоящим деспотом. Она перестала быть чужой в классе, с ней теперь считались, но...

Таисия заплатила за это собственной свободой!

И платит до сих пор. Потому что Федор Федорович слышит только себя. И только собственное мнение для него важно. А Таисию он считает просто подопечной. До сих пор.

Он, как щенка беспомощного, подобрал ее на улице. Не хочет замечать, что Таисия выросла. Давно при паспорте и совершеннолетняя, даже по законам привередливой Европы.

Страшно подумать, ей скоро двадцать четыре!

Они практически одного возраста – подумаешь, восемь месяцев разницы, даже года нет. Но бессовестный Федор Федорович всегда вел себя так, будто Таисия лет на десять младше и совершеннейший несмышлениш.

Он со своей сестрой больше считался, а Ксюхе только-только исполнилось девятнадцать.

Впрочем, Ксюха устроила бы ему, начини старший братец указывать, что делать, как делать, с кем дружить, где работать, где учиться или куда ходить по вечерам.

Ксюха почти такая же своенравная, как Федор Федорович. Они и внешне похожи, все-таки родные брат и сестра, только Ксюха на голову ниже и раза в два тоньше.

И все равно выше ее, Таисии.

И солидно шире в плечах.

А уж насколько красивее...

Понятно, почему Федор Федорович с Таисией не считается! И до сих пор снисходительно зовет Мелкой. Смотрит на нее как на заморыша, который может упасть от легкого сквозняка. Или слечь от него же с воспалением легких.

Девушка посмотрела на фотографию бабы Поли и укоризненно подумала, что это она во всем виновата. Приняла нового знакомого слишком радушно. И как старшего, что уж совсем непонятно.

Баба Поля относилась к однокласснику Таисии как к единственному мужчине в доме. Звала четырнадцатилетнего мальчишку – как и все! – Федором Федоровичем. Причем с искренним уважением.

Вот он и распоясался.

Глава 2

Федор Федорович

Федор Федорович Бекасов снова нажал на кнопку звонка и раздраженно хмыкнул: рука тяжелая, как чугун, он едва поднимал ее. Пальцы слушались с трудом, даже опухли немного.

Явно перестарался сегодня!

До четырех часов пахал как вол, таскал в подвал мешки с цементом и каменной крошкой. Друг ближайший, Миха, свирепо орудовал у пресса, окутанный тончайшей пылью. Никакая марлевая маска не помогала – он все равно чихал, кашлял и периодически сплевывал в картонную коробку тягучую густую слюну.

Сергея, третий компаньон, принимал свеженькую тротуарную плитку и аккуратно укладывал бруски в ящики, после обеда должен был подъехать заказчик, они с трудом успевали к назначенному времени.

Федор Федорович мрачно усмехнулся: зря они, наверное, перекупили этот бизнес у ребят из Молдавии – физически тяжелый, достаточно вредный, да еще и на самой окраине, раньше он и не подозревал, что в городе есть такие дыры. Пока не приобрели машины, добирались до цеха с пересадками, проклиная все на свете, а больше всего – собственную дурость. Проще, как иногда ругался Миха, иномарками торговать в приличной фирме – и зарабатывали бы не меньше, и не падали бы к вечеру.

Пожадничали, да. Но уж очень скромно молдаване запросили. Торопились уехать – какие-то проблемы у парней появились, к ним уже дважды приходили судебные приставы. А бросать цех жалели – оборудование импортное, за аренду подвала за несколько лет вперед уплачено. И клиентами постоянными к этому времени обзавелись – как на все плюнуть? Лучше уж цех в надежные руки передать...

Вот Федор Федорович с друзьями и рискнули. Перехватили денег у кого могли, зато теперь «при своем свечном заводике».

В общем, все бы хорошо, но не отдохнуть толком. Свой бизнес – одноклассники это быстро поняли – не работа на чужого дядю «от сих до сих». Когда гуляешь, в голове невидимый калькулятор независимо от твоего желания щелкает – убытки подсчитывает, настроение портит.

И бизнес не бросить, жаль ведь. Именно дорожная плитка давала финансовую независимость, именно благодаря разноцветным брускам они чувствовали себя настоящими мужиками – самостоятельными и даже состоятельными.

Ну, почти состоятельными.

И Федор Федорович, и Миха, и Сергей Жилин в прошлом году приобрели по квартире. Они не висели на родительских шеях, не выпрашивали карманные деньги, не отчитывались перед матерями, где, когда и с кем провели вечер...

Впрочем, правде мать с отцом не поверили бы. Даже Ксюха в лицо рассмеялась бы, скажи он, что вечерами едва успевает добраться до постели.

Какие там пьянки-гулянки, смешно, ей-богу... Стоило голову на подушку пристроить, и все – финита ля комедия. Иногда и одеяло на себя натянуть не удавалось, вырубался мгновенно – разве нормально?

Федор Федорович сердито фыркнул: с другой стороны, не сидеть же на зарплате в тридцать тысяч всю жизнь! Пусть через несколько лет ему станут платить пятьдесят, и что дальше? Продолжать делить с родителями и сестрой трехкомнатную квартиру? Или ежемесячно отстегивать из своего жалкого заработка двадцать тысяч, снимая жилье где-нибудь на окраине? А

он еще на заочное обучение перевелся, двадцать пять тысяч рубликов найди да отдай за каждый семестр.

Ну, жаловаться незачем, это плата за свободу. Не мог Бекасов чувствовать себя школяром, еще три года очного обучения, на его взгляд, вполне достаточно. Если же учесть, что работать по специальности вряд ли придется...

Бекасов до сих пор не понимал, каким ветром его занесло в этот вуз. Где он и где та металлургия?!

Нет, Федор Федорович согласен с матерью – высшее образование необходимо. Хоть какое-нибудь. Если к окончанию школы не определился с будущей профессией, годится любое. Просто как гимнастика для ума, чтобы уровень интеллекта не опустился ниже плинтуса.

Хм... дураков в России и без него достаточно.

* * *

Эта глупая девчонка заснула, что ли?! Или ее дома нет, он без звонка приехал, как всегда.

Федор Федорович возмущенно фыркнул: позвони он заранее, сто процентов – нарвался бы на пустую квартиру. Мелкая и сбежать могла запросто. Например, спряталась бы у соседей или удрала в супермаркет, он через дорогу – такое уже случалось – все, что угодно, лишь бы не ехать вечером в город. Смешно, но поужинать в кафе или приличном ресторане для Мелкой – настоящий подвиг.

И проблема. Тоже настоящая. Ведь Федор Федорович требовал, чтоб она нормально оделась и хоть чуть-чуть подкрасилась, не тащить же в приличное место жалкую пародию на девицу, которой с ходу едва давали четырнадцать. И ничего удивительного: худенькая, бледненькая, востроносенькая, одни глазищи на тощем личике, к тому же невразумительные какие-то – слишком светлые, белесые короткие прямые реснички ничуть их не красили.

Не девушка, а сплошное недоразумение – настоящая серая мышка. Ага, разновидность крыски Лариски.

И ладно, если б у Мелкой не было тряпок! Так нет, Федор Федорович лично позаботился о ее гардеробе, спасибо, младшая сестрица помогла, шкаф у Мелкой отнюдь не пустовал. Ксюха старательно набила его модным девичьим барахлом, чуть не плакала, когда тратила деньги старшего брата. Все сокрушалась, что не может сбросить Таисии собственные поднадоевшие одежды, совершенно новенькие, вот честное слово, просто... ну не ее, не Ксюшины, затмение на нее нашло, когда покупала...

Федор Федорович хмыкнул: Мелкой до его сестрицы расти и расти. Даже если поправится килограммов на шесть, не поможет: Ксюха почти на полголовы выше. И смотрится сестра старше, как ни смешно, ведь только-только школу окончила. Мелкая – уже год с университетским дипломом, а выглядит...

Словом, дикарка. Вечно сидит в четырех стенах со своими книжками, читает запоем, ни системы у нее, ни каких-либо четких предпочтений. Глодает без разбора все подряд – фантастику, женские романы, детективы, социальную литературу... детский сад, короче.

«Если бы я не пообещал бабе Поле...»

На лестничной площадке порывом ветра захлопнуло окно. Федор Федорович вздрогнул от неожиданности и нервно ухмыльнулся: сумасшествие заразительно. Не хватало только, чтобы он – как и Мелкая! – во всем выискивал знаки, подаваемые умершей старухой.

Наивная девчонка уверена – баба Поля по-прежнему рядом. Все видит, все слышит, и – ха-ха! – получается, его и сейчас видит, буквально насквозь, как и раньше. Когда-то Федор Федорович старуху слегка побаивался, язык у нее...

Что ни скажет, все в точку. Все события наперед угадывала, словно в будущее заглянуть могла. А расспрашивал – лишь смеялась. Как-то сказала – Федору Федоровичу тогда показа-

лось – всерьез: мол, есть на земле места особые, где душу будто размывает, с МИРОМ слияние происходит, мнится – все узнать можешь, только спроси правильно. И что было, узнаешь, и что будет, и как страшного избежать...

И парк назвала самый старый в городе, посмеялась над ним, мальчишкой, теперь-то ясно. Федор Федорович, удивляясь собственной глупости, в тот же день съездил туда, место указанное отыскал и только сплюнул с досады – ну и шутки у бабы Поли!

На «заветной» поляне рос дуб, древний-предревный, широченный и высоченный. Кора невозможно толстая, вся в морщинах, в некоторые складки запросто кулак поместился бы.

Слегка страшно стало – до того старое дерево. И Пушкина могло видеть, и Петра Первого... А сейчас в той же тени стоял он, Федор Федорович, в голове не укладывалось – как такое возможно?

Вокруг яблоневый сад, зеленые холмы над городом вольно летят, внизу река покойно блестит. Туристы с фотоаппаратами и камерами толпами бродят, всем восхищаются, зачем-то в морщины дуба мелкие монеты суют, вернуться сюда, что ли, мечтают?..

Федор Федорович и не знал, что в самом центре города остались такие места. Настоящий заповедник. Дивный кусочек природы среди шумного загазованного промышленного мегаполиса.

Только чем она особенная, эта поляна? Лично он, Федор Федорович, ничего не почувствовал. Разве что леденящий холодок от потрясения: этот чертов дуб его дедов-прадедов видел, наверняка когда-нибудь и его правнуки здесь же, разинув рты, будут топтаться. А он, Федор Федорович, умрет к тому времени, вся его жизнь для этого старца как одно мгновение.

Федор Федорович примерно так же смотрел на бабочек-однодневок. Снисходительно и сочувственно.

Нет, феноменальная старуха!

Была.

Или есть?

Мелкой-то проще считать, что они и сейчас вместе. У девчонки какие-то дикие представления обо всем на свете. В голове, с подачи той же бабы Поли, черт-те что творится.

Впрочем, некоторые факты – если верить Мелкой! – объяснить действительно трудно. Практически невозможно, он ли не пытался.

Скажем, Федор Федорович прошлым летом купил путевку в Анталию. Мелкая только-только переболела очередным бронхитом, врачи советовали подышать морским воздухом, погреться на солнышке, поплескаться в теплом Средиземном море – оздоровиться, короче.

В пятницу вечером Федор Федорович заехал забрать загранпаспорт, нужно было выкупить заказанные авиабилеты.

Он застал бывшую одноклассницу по-детски насупленной, никуда лететь она не собиралась. По крайней мере, утром, как планировалось. Вот послезавтра – пожалуйста, а завтра – ни за что.

Девчонка была упряма невозможно. Федор Федорович с трудом вытряс из нее объяснения – мол, баба Поля не велела лететь этим рейсом.

Подумать только – баба Поля НЕ ВЕЛЕЛА.

Старухи который год в живых нет!

Стиснув зубы, Федор Федорович выслушал очередную сказочку: якобы Таисия хотела достать из стола документы, но не смогла. Ящик будто гвоздями приколотили, а ведь ключ от него давно потерял, ящик сто лет на замок не закрывали.

Таисия и стол трясла, и колотила по нему кулаком, даже пнула пару раз, капризный ящик не шелохнулся, как врос в стол. Таисия за стамеской собралась, взломать ящик хотела – сколько можно возиться?! – как вдруг одна из фотографий бабы Поли упала. Самая любимая, та, которая стояла на книжной полке, на ней баба Поля без платка и смеется.

Мол, честное слово, ни с того ни с сего упала. Окно закрыто, сквозняка никакого, а она упала, тяжело так, звучно, словно рамка не картонная, минимум деревянная, а то и каменная.

Таисия фотографию подняла, а там... баба Поля ТАК на нее со снимка смотрит, будто сказать что-то хочет, о чем-то предупредить, вот только о чем?

Глаза у нее встревоженные-встревоженные.

А должны быть веселыми!

Таисия бережно вернула снимок на место, но от полки не отошла. Смотрела на родное лицо, взгляда не могла оторвать.

Глупо, конечно, звучит, но Таисия растерянно пожаловалась няне на капризный ящик. И ахнула от внезапного потрясения: светло-карие глаза бабы Поли вдруг сказали ей – так, правильно.

– Ты не хочешь, чтобы я завтра летела? – неуверенно шепнула девушка.

– Так, правильно, – ответили знакомые глаза.

– Но я давно мечтала о море...

Баба Поля на фотографии опять смеялась, и Таисия вдруг отчетливо поняла – да ради бога! Только не лети завтрашним рейсом, нельзя.

– А послезавтра можно? – Таисия кивнула на забастовавший ящик.

Баба Поля не возражала. Таисия машинально дернула за ручку и чуть не упала: ящик со всем содержимым чуть не вывалился на пол, она еле успела придержать его.

Такая вот история.

Федор Федорович не сумел переубедить глупую девчонку, они вылетели в Анталию лишь на следующий день. А в аэропорту узнали: пассажирам вчерашнего рейса не повезло. При взлете загорелся один из двигателей, самолет с трудом удалось посадить, а пожар потушить. По счастью, никто не погиб, только несколько человек доставили в больницу с тяжелыми ожогами.

Федор Федорович так и не решился узнать, какие места занимали несчастные. И никогда даже мысленно не позволял себе вернуться к этому случаю.

Случай оказался не единственным. Он был первым в череде странных, необъяснимых происшествий.

Правда, врать Таисия никогда не умела, и Федор Федорович пожал плечами: кто знает...

И тут же зло одернул себя – глупости. Не хватало еще поверить во всю эту галиматью!

Створка окна снова хлопнула, вдоль позвоночника знакомо потянуло морозцем, и Федор Федорович неохотно признал: «Ладно-ладно, я не бросил бы девчонку в любом случае. Обещал кому, не обещал... не важно. – Федор Федорович вытер носовым платком влажный от выступившей вдруг испарины лоб и с досадой подумал: – Ведь пропадет, дурашка! Она же не от мира сего. Совершенно нелепое существо, одну не оставить при всем желании, а я все-таки не подонок...»

Федор Федорович настороженно прислушался: вроде бы рама не скрипела. В подъезде вообще стояла полнейшая тишина, почти неестественная в это время.

Только восемь вечера, люди возвращаются с работы, в квартирах должна звучать музыка, бубнить телевизоры, орать младенцы – почему же ТАК тихо? Или у него от глупого полудетского страха уши заложило?

Кстати, когда он вышел из машины, никакого ветра и в помине не было, с чего бы проклятой створке мотаться туда-сюда...

Мистика!

Федор Федорович раздраженно сдвинул брови: в голову упорно лезла глупейшая мысль, что если бы он не соврал...

Он прекрасно помнил: баба Поля ложь ненавидела.

Любую.

А уж когда врут себе...

И Федор Федорович ожесточенно, всей ладонью, нажал на звонок.

* * *

– Но я, честное слово, никуда не хочу идти. Я устала, у меня книжка новая, я весь день мечтала упасть с ней на диван... – Таисия молола кофе и радовалась шуму, была законная причина помолчать.

– Книжка у нее... – раздраженно проворчал Федор Федорович. – Успеешь еще глаза испортить!

Таисия не ответила. Включила кофеварку и привычно удивилась, что она до сих пор работает, – еще папа ею пользовался. Сейчас такие же паровые кофеварки куда компактнее, Таисия видела в магазинах, а эта – настоящий монстр.

Зато кофеварка помнила времена, когда в доме звучал не только голос Таисии. И вообще она как-то органично вписывалась в кухню, обставленную – с подачи бабы Поли – старинной тяжеловесной деревянной мебелью. Баба Поля по коммиссионкам ее выискивала, а мама с папой не возражали: кухня считалась вотчиной старой няньки, она тут проводила большую часть времени.

Впрочем, Таисии нравилась резная деревянная мебель. И громоздкий буфет, в который свободно вмещалась вся посуда. И круглый стол, большой, удобный. И уютные кресла с гнутыми подлокотниками, в них так здорово сиделось. А на нянюшкином – лежала плоская подушка, когда-то Таисия лично вышивала для нее наволочку.

Девушка и сейчас любила сидеть в этом кресле. Почему-то казалось – подушка до сих пор хранила тепло бабы Поли, будто она только встала, вышла куда-то и вот-вот вернется.

Таисия выбрала самую красивую чашку – почти прозрачную, в желтую продольную полоску. Наполнила кофе, добавила топленого молока и полюбовалась на свет, как колыхнется за тонким фарфором темная тяжелая взвесь. Поставила чашку перед гостем и виновато улыбнулась:

– Ты же знаешь, я не люблю ходить по ресторанам.

– Речь всего лишь о кафе.

– И по кафе тоже.

– Глупости, сколько можно сидеть в четырех стенах!

– А я и не сижу, я работаю, ты же знаешь.

– Все работают, – отрезал Федор Федорович. Попробовал кофе и чуть мягче сказал: – И все, кроме тебя, находят время развлечься. Нормальные девчонки на дискотеки бегают, в клубы, в парки, и уж в кафе-рестораны-бары обязательно, где еще в наше время можно познакомиться с нормальными мужиками!..

– А Интернет?

– Твои новые дружки по Сети, я смотрю, в подъезде, перед дверью, толпами тусуются...

– Но я вовсе не рвусь знакомиться с парнями!

– И напрасно.

– К чему, у меня есть ты, – неумело польстила Таисия.

– Кончай придуриваться, – неожиданно разозлился Федор Федорович. Одним глотком допил кофе и прорычал: – Ты практически сразу дала понять, что считаешь меня только братом...

– Другом.

– Есть разница?!

– С братом не обязательно хорошие отношения, – виновато пробормотала Таисия. – И потом, ты меня до сих пор дразнишь Мелкой...

– Не дразню.

– Ну... зовешь, называешь, обзываешь – какая разница?

– А ты до сих пор веришь своей драгоценной бабе Поле? – ядовито усмехнулся Федор Федорович. – Ждешь, когда появится прекрасный принц на белом коне, прилюдно падет на колени и, протягивая к тебе влажные ручонки, провозит: «Таисия, свет очей моих»?

– Пусть так, тебе-то какое дело?!

– И я тут же пересчитаю ему все ребра!

– Что-о?

– Я за тебя отвечаю, – хмуро отрезал Федор Федорович, – а значит, не позволю связаться с идиотом!

– Считаешь, в меня может влюбиться только идиот?!

– Если назовет тебя Таисией – да!

Нужных слов Таисия подобрать не смогла, как ни старалась.

– Ты в зеркало на себя давно смотрела? Таисия, блин... И рот закрой, что ты, как рыба, губами шлепаешь?!

– Ты... ты...

– Ну я, и что?

Федор Федорович с усмешкой рассматривал покрасневшую от негодования Мелкую: ишь, даже кулачонки сжала! В глазах огонь, нижняя губа закушена, скулы пылают, тонко вырезанные ноздри раздуваются...

Увеличь ее раза в три, так, пожалуй, испугаешься!

Федор Федорович вылез из-за стола. Бесцеремонно развернул Таисию лицом к ее комнате и, подтолкнув в спину, уже добродушно хохотнул:

– Чтобы познакомиться даже с таким кретином, нужно изредка выбираться в люди. Так что иди, душа моя, собирайся, через десять минут выходим. – Сделал паузу и ехидно пропел: – Давай-давай, перебирай ножками... Мелкая!

– А ты... ты... – Таисия в бешенстве пнула некстати подвернувшееся кресло. Охнула от боли и запрыгала на одной ноге. Помассировала ноющую ступню и возмущенно резюмировала: – Ты специально этот цирк устроил! Ты всегда... ты все время... я не Мелкая!!!

Глава 3

Песочные замки

Таисия с трудом заставила себя сползти с постели. Обычно после звонка будильника она дремала еще минут десять – пятнадцать, но сегодня понимала: не встанет сразу – заснет тут же.

Со старушечьим кряхтеньем она побрела в ванную. Глаза слипались, хотелось упасть на ходу. Если честно, Таисия обошлась бы и без подушки, лишь бы прихватить часок-другой, пусть и на полу – ох, как спать хочется...

А все Федор Федорович!

До девяти вечера измывался над ней, заставляя без конца переодеваться, пока не плюнул от злости и не заявил, что горбатого могила исправит. И что не видать ей обещанного бабой Полей сумасшедшего принца как своих ушей. И что придется ему, несчастному, принести в жертву себя и на ней жениться. Просто чтобы не мучиться в дальнейшем, пытаясь устроить ее судьбу, это дело безнадежное, он как раз сейчас это понял...

Федор Федорович топал ногами и ругался, проклиная собственное добросердечие и ослиное упрямство Мелкой. С жаром апеллировал к фотографии бабы Поли, требовал повлиять на воспитанницу или хотя бы объяснить ей, что не родился еще на белом свете болван, готовый назвать красивым именем Таисия жалкую девчонку, не умеющую толком накрасить губы и причесаться...

И на кого она похожа!..

И эти вытертые джинсы давно пора на помойку!..

И где она выкопала мерзкую линялую тряпку – ах, это теперь называется «блузон», не может быть, чтобы такую дрянь принесла Ксюха, у нее-то вкус есть, не то что у некоторых!..

Жаль, Таисия не смогла довести гостя до нужной точки кипения, взбешенный Федор Федорович просто сбегал от нее. И обычно так хлопал входной дверью, что Таисия каждый раз боялась – не выдержит косяк или сама дверь слетит с петель.

Вчера Таисия проиграла. Федора Федоровича не добила даже ее «боевая» раскраска. Он лишь скрипел зубами, рассматривая изобретательно размалеванную физиономию, потом погнал Таисию в ванную, умываться. А ведь сам требовал, чтобы наредила губы и глаза!

Подумаешь, чуть перестаралась.

К сожалению, вылазку в кафе Федор Федорович не отменил. Почти вытолкнул Таисию за дверь, можно сказать, выволок за шиворот. Ненакрашенную, в стареньких джинсах, в линялой тряпке, в дырявых кроссовках, с жалким хвостиком на затылке.

Он отомстил по-другому: измученная донельзя Таисия вернулась домой почти в четыре утра!

Злопамятный Федор Федорович отвел душеньку: они всю ночь путешествовали из ресторана в ресторан. И везде он знакомил ее с какими-нибудь «классными» мужиками. И буквально заставлял принимать приглашения – виртуозно доводил до присутствующих, что «младшая сестричка» просто обожает танцевать.

Правда, случайные кавалеры держались прилично: мамонтоподобный Федор Федорович в братях – это серьезно.

Иногда Федор Федорович ее в сестры не определял и приглашал бывшую одноклассницу сам. К удивлению Таисии, со слухом у него оказалось все в порядке. Танцевал Бекасов легко, даже грациозно, пусть и походил комплекцией на медведя гризли.

К трем утра несчастная Таисия едва держалась на ногах, а Федор Федорович жизнерадостно уверял, что провел прекрасный вечер, и, слоняра синеглазый, прилюдно лобызал ей руку!

Таисия практически падала, а он светился и громогласно клялся, что следующая вылазка будет еще лучше.

Следующая!!!

Это значит – сегодня.

Лучше умереть.

Таисия вылезла из душа и, дрожа всем телом, закуталась в полотенце. И вдруг замерла посреди коридора: может быть...

А что, неплохая идея!

Если Федор Федорович влюбится, у него на Таисию просто не останется свободного времени... Ну, если верить книгам...

* * *

Печатному слову Таисия верила всегда. Как-то так вышло, что ее жизненный опыт большей частью основывался на сведениях, почерпнутых из книг, телевизионных передач и давних разговоров с бабой Полей.

А любовь – это... все!

Теперь перед Таисией стояла сложнейшая задача – найти достойную кандидатуру на роль возлюбленной Федора Федоровича.

Сердце вдруг заныло, Таисия поморщилась: что такое? Неужели она... да нет, не может быть! Федор Федорович для нее всего лишь брат, друг, короче, родной человек, ближе которого пока нет, как ни печально.

И потом, он ни разу не назвал ее Таисией! Она для него просто Мелкая, с самого первого дня знакомства.

Всего лишь Мелкая!

Кошмар, настоящая щенячья кличка.

К тому же Федор Федорович вечно над ней подсмеивается, поддразнивает. Таисия не сомневалась – он никогда не видел в ней девушку.

Все-все-все! Раз баба Поля сказала, что суженый назовет ее полным именем, значит, будем ждать этого распрекрасного товарища, пусть Федор Федорович хоть ухочется!

Таисия попыталась представить себе будущего возлюбленного, даже зажмурилась крепко-крепко, но ничего не вышло. Перед глазами нагло маячила – она этого не хотела! – знакомая до последних черточек физиономия Федора Федоровича. Причем эта самая физиономия злорадно скалилась и даже подмигивала, обрекая своими гримасами все усилия Таисии на провал.

– Чтоб ты провалился! – в сердцах воскликнула девушка.

Погрозила невидимому, но, как всегда, зловредному и злонамеренному Федору Федоровичу кулаком и пошла одеваться. Распахнула дверцы шкафа и печально хмыкнула: да, картинка...

В правом углу тесно-тесно жались плечики, нагруженные купленной Ксюхой одежкой, пестрой, яркой, по словам Ксюхи, ужасно модной. От нее рябило в глазах и начинало противно стучать в затылке.

Сколько вешалок – раз, два, три, четыре, пять... одиннадцать...

Лучше не считать!

Зато в левом углу свободно висел любимый синий свитер, связанный бабой Полей. Он придавал светло-серым, можно сказать, неинтересным глазам Таисии волнующую глубину и какой-то странный сиреневый оттенок.

Баба Поля уверяла: когда Таисия в синем, ее радужки приобретают цвет грозового летнего неба – мол, вот-вот его разорвет ветвистой толстенной ветвью на сизые клочки. Именно

от таких молний – баба Поля сама видела! – вспыхивали и сгорали столетние дубы. Чуть позже по ушам бил гром и стеной вставал ливень.

Баба Поля... она скажет!

Рядом со свитером висело в чехле батистовое платье. Нежно-голубое, с богатой ручной вышивкой – точная копия первого бального платья Наташи Ростовской.

Его тоже сшила баба Поля и строго-настрого велела надеть на «первый выход» с суженым. Не раньше! Можно и на свадьбу, если не будет к тому времени лучшего наряда.

Смешно, но Таисия это платье даже не мерила. Мало того, она его даже толком не видела!

Суеверная баба Поля лично спрятала платье в льняной сероватый чехол, туда же сунула полотняные мешочки с пахучими лесными травами. И зашила чехол грубыми белыми нитками, толстыми-претолстыми.

Сколько раз Таисии хотелось посмотреть на таинственное платье, и она подступала к чехлу с ножницами...

Но вскрыть так и не решилась. Бабы Поли давно нет, а Таисия все еще побаивается нарушить запрет, будто няня и сейчас может отшлепать или поставить в угол, как в раннем детстве.

Уверенность – баба Поля всегда знала, что делала, – буквально парализовала девушку, она замирала перед шкафом с маникюрными ножницами в руках, не смея надрезать нить.

Следующие ЕЕ вешалки занимали джинсы, серо-голубая мужская рубашка из тонкого льна и такого же цвета полотняные брюки, невероятно удобные и любимые.

Конечно, на полках лежали невысокими стопками и другие вещи: женское белье, футболки, разноцветные носки, спортивный костюм, полкой выше – целая коллекция разнокалиберных шляп, слабость Таисии.

Ну не могла она спокойно пройти мимо отдела, в котором торговали дамскими шляпами! Покупала редко – слишком дорогие, – но заходила обязательно и с удовольствием рассматривала.

Некоторые шляпы – настоящие произведения искусства. Как эта, например, с букетиком незабудок у скромной белой атласной ленты. Причем крохотные голубые цветы сделаны так умело, что их практически не отличить от настоящих.

Таисия осторожно подула на незабудки, нежные лепестки затрепетали, девушка улыбнулась и вернула шляпу на место.

Жаль, сама она некрасива! Была бы как Ксюха – другое дело, а так...

Таисия посмотрела на градусник за окном и вытащила из шкафа брючный костюм. Подумав, достала и простенькую льняную шляпу с широкими полями: как раз для нее – ничего особенного, взгляда чужого не привлечет, зато лицо надежно спрячет.

Девушка оделась и неохотно посмотрела в зеркало – да-а-а, вот уж моль серая! То ли мальчишка, то ли девчонка, не понять.

И волосы противные – тонкие, непослушные, лицо вечно как паутиной обметано. Ни подстричь толком, ни в прическу уложить, у всех мастеров руки опускаются, в хорошую парикмахерскую лучше не заходить.

С тех пор как баба Поля умерла, Таисия большей частью сама стриглась – в принципе ничего сложного. Главное – челку оставить подлинней, чтобы брови прикрывала, а остальные волосы аккуратно подравнять ножницами, тут длина не важна, это по настроению.

Таисия убрала под шляпу все пряди до единой и угрюмо хмыкнула: мисс Никто. Нечто непонятное, среднего пола, впрочем, скорее девушка, чем парень. Все-таки шляпа женская и, если как следует присмотреться, заметны кое-какие округлости фигуры.

Или она себе льстит?

Таисия неторопливо пила кофе с молоком – она терпеть не могла черный, он казался горьким – и перебирала кандидатуры знакомых на роковую роль разбивательницы сердец.

Вернее, одного сердца, к чему ей многие? Пристроить бы Федора Федоровича!

К сожалению, список оказался коротким. Слишком коротким. Он состоял всего из одной фамилии – Эмих. Обладательницу немецкой фамилии звали Эльвирой, Элей, чаще – Элькой.

Элька Эмих тоже работала в их небольшой фирме, только не банальным экономистом, как Таисия, а секретарем-референтом.

На самом деле Элькина должность называлась волнующе заманчиво – «вице-директор», но это были лишь слова. Просто запись в трудовой книжке.

По сути, Элька сидела на телефонах. Принимала и отправляла по электронной почте письма, получала факсы, напоминала шефу о важных встречах, впускала в святая святых посетителей и изредка – когда Любочка Пономаренко болела или была в отпуске – подавала гостям чай, кофе, минеральную воду, так что – обычный секретарь.

Нет, секретарша!

И не совсем обычная. В Эльке Эмих вообще не было ничего обычного. Если уж честно, она была странная. И красавица редкостная. Не стандартная куколка со страниц какого-нибудь глянцевого журнала, а...

Таисия поморщилась, но подходящих слов не подобрала. И печально подумала, что она-то Эльку знает отлично – ее все в фирме знают, – а вот помнит ли сама Элька в лицо одного из трех экономистов?

Вряд ли.

Таисия и сама бы себя не запомнила, жалкое зрелище, даже не жалкое – никакое, чего уж тут помнить...

Теперь бы понять, как с Элькой договориться.

Или познакомить ее с Федором Федоровичем – якобы случайно? Он Эльке понравится, он просто не может не нравиться, и она...

А если Элька не обратит на него внимания?!

Нет, рисковать нельзя.

Федор Федорович, конечно, высокий, красивый, его трудно не заметить, перед ним даже трудно устоять!

Сколько раз девчонки уговаривали познакомить с ним, еще в школе просили, и в институте тоже, жаль, Федор Федорович – бревно настоящее, ничем не пробьешь...

Но перед Эмих он не устоит, Таисия не сомневалась.

Обязательно влюбится!

Вот только... как бы все это организовать и остаться в стороне?

На взгляд Таисии, остальные знакомые девицы и девушки, женщины и дамы для оболыщения Федора Федоровича подходили мало. Если вообще подходили.

Дело было даже не во внешности. «Вот уж враки, – одернула себя Таисия, – в ней тоже!» Симпатичных, миленьких и просто красивых в фирме работало достаточно. Просто... в них не хватало чего-то главного, стержня какого-то, что ли?

Вроде бы все при них, а не запоминаются. Лица какие-то... однотипные. Глазки, носики, губки, скулы, реснички, бровки – все подкрашено, все одинаково ярко, кукольно правильно и... скучно. Увидел одну, считай, увидел всех. И гримаски похожи, хихиканья кокетливые, речи – о сериалах, тряпках, косметике, журналах женских, диетах, специальных упражнениях для талии, сплетни о «бомонде», о парнях, о сексе, разговоры о маленьких женских тайнах...

Федор Федорович подобное не терпел!

Он о Ксюшиных подружках говорил – клонированные. Мол, пока наивные ученые работали над несчастной овечкой Долли, его сестрица давным-давно освоила эту сложнейшую операцию – иначе с чего бы все Ксюшины подружки были словно из одного ларца?

Федор Федорович со смехом уворачивался от крепких кулачков возмущенной младшей сестры. И ничуть не обижался на ее крики о том, что большинство мужчин еще примитивнее.

Их ничто в жизни не интересует – лишь бы пива нажраться после работы да перед телевизором вапсть в спячку. По театрам, музеям и магазинам одни женщины ходят, детей они же воспитывают, а мужики... мужики... да они перевелись вовсе!

Таисия в ее страстные монологи не встревала. Она не знала, что сказать, даже когда Ксюха обращалась за поддержкой.

Слишком ничтожен был ее собственный жизненный опыт. Не знала Таисия никаких мужчин в своей жизни, кроме папы и Федора Федоровича, остальных видела на улицах, в школе или институте – и опасливо сторонилась. Впрочем, они тоже не обращали на Таисию внимания, так что все было взаимно.

В обожаемых ею книгах пустышки не описывались, герои всегда оказывались значительными, отрицательные или положительные, мужчины или женщины – не важно.

И баба Поля всегда говорила, что совсем никчемных людей не должно быть на белом свете, ведь они – прямое оскорбление Всевышнему, подарившему человеку жизнь.

Баба Поля по-детски верила, что зачатие младенца еще большая тайна, чем принято думать. Это как зарождение отдельной Вселенной. А яйцеклетка со сперматозоидом – жалкие клочки человеческой плоти, мгновенно распадающейся, не вдохни Господь в эту хрупкую конструкцию искорку души в момент зачатия.

Именно искорку от собственного неугасимого пламени дарит ОН, и именно она дает людям право гордиться тем, что созданы они по образу и подобию Божьему.

Жаль, не каждая искра рождала пламя. Пороки, из которых баба Поля считала главными лень, равнодушие и неумение, нежелание любить ближнего, надежно перекрывали кислород огню, убивали душу вернее, чем смерть, ибо она – лишь начало пути.

Таисия невольно поежилась. Ей всегда становилось не по себе, когда она вспоминала неспешные, тягучие речи нянюшки, – собственное несовершенство смущало и тяготило.

Таисия сердилась и на себя, и на бабу Полю с ее сложными, несовременными взглядами на все на свете, но забыть наставлений няни не могла.

Баба Поля не хотела существовать легко и бездумно, как принято в наши дни. Наивная, она не сомневалась: задача человеческая – всю жизнь работать над собой и этим хоть немного приблизиться к Создателю, оправдав Его чаяния.

Она считала: ровный сильный огонь негасим. Всевышний с надеждой ждет возмужавших детей Своих в следующей ипостаси, ставит перед ними все более сложные задачи и не лишает свободы воли – собственного дара. И горько сетует на неразумных чад, теряющих с плотской смертью ВСЕ, ибо крохотная искорка, так и не ставшая пламенем, либо гаснет, либо вновь дарится кому-то при новом рождении.

Таисия не знала, верит ли предложенной бабой Полей модели мира. Порой ей казалась симпатичной мысль о том, что смерть списывает все, а значит, живи как живется, бери все, что берется, до чего дотягиваются руки.

Баба Поля сказала бы – «потные ручонки».

В знак презрения.

Таисия не хотела бы услышать о себе из уст нянюшки, останься она живой, – «тело». Обычное тело, и точка.

Так баба Поля именовала людей без... огня. Простейших. Как амёбы. Не умеющих мыслить, живущих от зарплаты к зарплате или от покупки яхты до покупки особняка. Равнодушных к ближнему. Пустых людей с пустыми глазами. Людей, души которых придавлены смрадными желаниями.

Баба Поля пыталась достучаться и до таких. Как умела. И не было счастливее человека, если удавалось.

Таисия так не могла. И не хотела, если честно. Ей комфортнее жилось в мире книг, там почти нет ТЕЛ, зато настоящих героев хватает.

Элька Эмих чем-то походила на книжных див. Жизнь в ней была ключом, про Эльку и баба Поля не сказала бы – «тело».

Таисия обязательно познакомит Федора Федоровича с Элькой.

Только нужно решить – как именно. Если Федор Федорович догадается о «сводничестве»...

О-о-о, нет!!!

* * *

Элька с насмешливым ожиданием смотрела на дверь: вот уже полчаса за ней кто-то топтался, не решаясь войти. Приоткрывал ее осторожно и тут же испуганно захлопывал. И шаркался в сторону, когда к приемной подходил посторонний.

Мысль о поклонниках Элька отмела сразу же – слишком легким был топоток неизвестного, сбегающего от очередного посетителя.

Ребенок за дверью тоже исключался, его в офис не пропустила бы охрана, тут не место детям, люди работают.

Итак, женщина. Или мужичок весом с перо. Правда, таких среди сотрудников фирмы, кажется, не было.

Конечно, проще выйти и посмотреть на неизвестного, но... так неинтересно. А вот самой угадать, кто это и, главное, к кому и зачем пожаловал...

Вариант первый и самый вероятный – к шефу. Он мог дать кому-то поручение, оно бездарно провалено, и несчастный сотрудник – сотрудница! – теперь не в силах об этом доложить.

Минус этой версии – шеф на ее памяти САМ поручений сотрудникам не раздавал, только через менеджеров среднего звена. А их-то Элька отлично знала всех, поголовно, робких среди них нет, робкий менеджер... ха!

С другой стороны, все когда-нибудь случается впервые. Начальника отдела могло не оказаться на месте, и шеф лично... почему нет?

Вариант второй – тоже к шефу. Только не по работе, а... влюбленная! Наивная простушка, решившая наконец объясниться. Теперь она набирается за дверью смелости – вот сейчас, сейчас...

Тяжелая входная дверь в очередной раз захлопнулась, Элька раздраженно сдвинула брови: сколько можно?! Ведь никакого терпения не хватит, так и хочется втащить трусишку в приемную – пусть за шиворот! – и потребовать объяснений.

Она тяжело вздохнула и продолжила изыскания: допустим, эта робкая особь – дамочка или мужичок с ноготок – лично к ней. Допустим, по работе...

Глупости! Если по работе, давно бы зашли, она, Элька, не монстр, у нее со всеми в фирме прекрасные отношения. Она еще никому не отказывала в помощи. Даже подсказывала, как правильно написать заявление на внеочередной отпуск по семейным обстоятельствам или на ссуду.

Если по личным...

Ерунда получается! Какие личные отношения могут связывать Эльку с неизвестным за дверью?!

Выходит, к шефу.

Ну и прекрасно.

Сейчас она выяснит, кто это так изобретательно мотает ей нервы с утра пораньше, никакая работа в голову не лезет.

Элька осторожно заглянула в кабинет к шефу и удовлетворенно хмыкнула: Вячеслав Юрьевич ее небольшим разборкам в приемной не помешает. Сидит за компьютером и,

насколько Элька поняла, прилежно отвечает на запрос своего партнера из Финляндии, это надолго.

Тяжелые створки – кстати, прекрасная звукоизоляция! – надежно отрезали Эльку от шефа.

Надо сказать, Эльвира Эмих решения всегда принимала быстро и следовала им незамедлительно, не в ее привычках комплексовать или мучительно размышлять – а стоит ли...

Она стояла у входа как кошка, поджидающая у норы мышь, терпеливо и неподвижно. Едва полотно двери дрогнуло, Элька распахнула ее настежь и втянула в приемную ошеломленного посетителя. Вернее, посетительницу.

Потом мгновенно закрыла дверь на ключ. Привычно нажала на кнопку пульта, включая табло «не беспокоить». И возмущенно прошептала:

– Н-ну-с, слушаю вас!

Элька только сейчас рассмотрела, кого так бесцеремонно заволокла в приемную, и фыркнула от досады: вот не повезло, ничего интересного. Всего-навсего сопливая девчонка, только только из университета. Кажется, она сидит среди экономистов. Не видно ее, не слышно, вечно глаза прячет, а уж шляпы на этой чудачке...

Наверняка вариант номер два – несчастная любовь. Сто процентов – несчастная, ведь шеф на такое чучелко никакого внимания не обратит, тут к гадалке ходить незачем. Он и на нее-то, на Эльку, поглядывал с сочувственной усмешкой, а уж как она старалась понравиться, узнав, что Вячеслав Юрьевич не женат...

Уже не женат.

Он развелся года два назад, застал любимую жену в постели со своим шофером, ситуация прямо из дурного анекдота. Элька раньше думала – подобное лишь в фильмах случается, ведь только круглая идиотка могла загулять от ТАКОГО мужа.

Выходит, не только в фильмах.

Неужели эта кнопка всерьез надеется захмутать шефа?!

Это смешно!

Или грустно?

Элька легонько встряхнула пленницу и ядовито поинтересовалась:

– Несчастливая любовь, детка?

Девчонка перестала дрожать. Подняла голову —

Элька удивленно отметила акварельную прозрачность треугольного личика, огромные глаза показались ей слишком светлыми, необычными, какими-то искристо-льдыстыми – и изумленно шепнула:

– У кого?

– Не у меня же!

Девчонка моргнула – белесые ресницы, жесткие и совершенно прямые, ничуть не женственные.

– А у кого тогда?

– Я думала – у тебя.

– Вот уж нет!

– Шляпу сними, – неожиданно грубо приказала Элька, странная посетительница чем-то раздражала.

– И не подумаю! – Девчонка строптиво мотнула головой. – Я не мужчина – снимать головной убор в помещениях!

Элька невольно рассмеялась. Посетительница вызывающе задрала острый подбородок, тонкая шейка в широком вороте мужской серой рубашки смотрелась жалко.

– Значит, ты не влюблена, – холодно резюмировала Элька.

– Точно.

– Чего тогда под дверью столько толклась?

– Н-ну... – Девчонка смущенно зарделась и опустила голову, теперь Элька видела только поля льняной шляпы.

– По делу, что ли, к шефу?

– Не-а...

– Как – нет?! – Элька едва не задохнулась от возмущения: а она-то напридумывала...

– Я... не к шефу, – еле слышно выдохнула девчонка и по-детски шаркнула ножкой.

– А к кому?

– К тебе. К вам то есть.

– Ко мне?!

– Да.

Элька постояла с открытым ртом, пытаясь прикинуть, что у нее может оказаться общего с посетительницей. В голову ничего не приходило, дикие идеи бежали прочь, опережая разумные объяснения.

Элька стиснула зубы и приглашающе указала рукой на глубокое кожаное кресло. Подтолкнула к нему застывшую гостью и сипло выдохнула:

– Ну и какое у тебя ко мне дело?

– Да так, мелочи, – пробормотала странная девчонка, опуская голову еще ниже. – Нужно, чтобы ты срочно влюбилась в одного типа, а еще лучше – чтобы он в тебя влюбился... – Она бросила быстрый взгляд на остолбеневшую Эльку и торопливо добавила: – Мой Федор Федорович – очень, ну просто очень классный тип!

* * *

В конце рабочего дня Таисия вдруг вспомнила, что давно не была в парке. Месяца два, кажется, а то и три. Совершенно вылетело из головы, когда ездила туда в последний раз – то ли в конце зимы, то ли в середине весны. А сейчас июнь на исходе.

Таисия любила ездить в старый парк. Почему-то именно там ей казалось, что смерти вовсе нет. Заветная нянюшкина поляна – баба Поля иногда называла ее «местом силы» – словно сохранила в себе что-то от частых няниных наездов. Таисия особенно остро ощущала там ее присутствие. Стоило закрыть глаза и... вот она, баба Поля, только руку протяни.

Нет, конечно, Таисия прекрасно понимала, что няня умерла и никак не могла быть рядом по-настоящему. Она же не сумасшедшая, что бы там ни говорил в сердцах Федор Федорович!

Просто они с бабой Полей так часто бывали вместе в этом парке, так много там говорили, так весело смеялись над школьными историями и так сильно горевали после смерти родителей...

И помнила об этом не только Таисия, парк тоже помнил, девушка ничуть не сомневалась.

Нехорошо, что она забыла о нем. Забыла о нянюшкиной поляне и хоженных-перехоженных дорожках. Это почти... предательство.

Таисия посмотрела на фотографию бабы Поли и серьезно сказала:

– Сегодня же съезжу.

Глаза нянюшки вдруг показались озабоченными. Таисия пожала печами, не понимая, в чем дело.

– Честно, съезжу. Вот прямо сейчас, после работы, – легко уточнила она.

Воздух в комнате будто сгустился. Тишина показалась странно гулкой, неприятной. Таисия невольно поежилась, откуда-то она знала – няню волновало что-то другое, угадать бы – что именно.

Девушке вдруг стало не по себе: бабы Поли давно нет, но ведь как-то она дает понять, что ей нравится или не нравится. Как сейчас, например.

Впрочем, а что происходит сейчас?

Ничего особенного!

Вечно она высматривает необычное в обыденном, не хочет расстаться с иллюзиями. До сих пор, как дитя малое, тоскует по бабе Поле, вот и... видит лишь то, что хочет видеть, слышит лишь то, что хочет слышать.

Словно страус, прячет голову в песок! И правда, вдруг откроет глаза и осмотрится, и что тогда? Обнаружит себя в пустыне, пусть вокруг полно людей? Где-то Таисия читала – нет более полного одиночества, чем в толпе равнодушных.

А может, Федор Федорович прав – у нее, у Таисии, проблемы с головой? Она неадекватна. У нее шизофрения или еще что... ну, когда выдумка мешается с реальностью и человек не в состоянии отделить одно от другого.

Не хотелось бы!

Таисия грустно усмехнулась: впрочем, кому вредят ее фантазии?

– Тебе Элька не понравилась? – Таисия упрямо сдвинула брови. – Но, честное слово, она вполне...

По снимку скользнула тень, баба Поля словно поморщилась.

– Значит, не в Эльке дело, – пробормотала Таисия. – Тогда в чем? Может, ты не хочешь, чтобы я сегодня ехала в парк?

Взгляд няни снова изменился. Девушка отчетливо поняла – парк ни при чем.

– Что-то должно случиться по дороге с работы? – осторожно спросила Таисия. – Что-то плохое?

Лампа дневного света внезапно мигнула, неприятно потускнела, и Таисия воскликнула:

– Все поняла! Я буду осторожна, вот увидишь. Тонкий матовый цилиндр вновь сиял ровно и надежно. В комнату вошла Валерия Степановна, старший экономист и начальница их маленького отдела. Она укоризненно кивнула на настенные часы:

– Еще не убежала? И зря.

– Да я... сейчас. – Таисия суетливо выключила компьютер.

– Смотри, погода какая чудесная. – Валерия Степановна подбадривающе улыбнулась. – Ты бы, Тася, съездила на пляж, что ли? Не беги сразу домой, зимой в четырех стенах сидишься...

– Я... в парк!

– Что ж, тоже неплохо, – одобрила Валерия Степановна. – Все лучше, чем сидеть в душных комнатах...

Глава 4

Нянюшкина поляна

Таисия вышла на улицу и невольно зажмурилась: сегодняшнее солнце вдруг показалось особенно ярким. И... недобрым.

Девушка порадовалась, что надела шляпу, – хоть какая-то защита. И тоскливо подумала: «Интересно, другие чувствуют, что нужно прятаться в тень? Вряд ли. Вон сколько народу, и почти все без головных уборов...»

Мимо пробежала стайка девчонок в коротких топиках и таких же коротких юбочках. Они весело что-то обсуждали, звонко смеялись, ели мороженое, и не было им дела до злого солнца.

Таисия застыла посреди тротуара, не обращая внимания на толчки спешащих прохожих. Она не могла отвести взгляда от своих сверстниц – таких беззаботных, таких легких, таких... бездумных.

Вдруг захотелось оказаться одной из них. Пусть вон той, с тонким серебряным браслетом на правом запястье. В красной юбочке и с самыми красивыми глазами – большими, голубыми и младенчески чистыми.

Полная женщина с туго набитыми тяжелыми пакетами так раздраженно толкнула ее, освобождая для себя тротуар, что Таисия едва не упала. И завистливо прошептала:

– Что им солнце...

В кармане брюк завибрировал, забился сотовый, Таисия выудила его, чуть не уронила на асфальт. Звонок оказался от Федора Федоровича, и она с улыбкой пропела в трубку:

– Привет, что звонишь, я только-только вышла с работы...

– Ничего себе только вышла – уже почти семь!

– Не семь, а шесть двадцать пять.

– Какая разница?!

– Большая.

– Я просто округлил.

– Не в ту сторону.

– Мелкая, кончай пререкаться!

– Я и не собиралась, это просто факт. Округлять положено...

– Ну ты и зануда!

– Сам такой.

Федор Федорович промолчал. Таисия с удовольствием слушала раздраженное сопение друга, предвкушая его реакцию на сюрприз. Вначале сейчас, когда услышит об Эльке, потом вечером, если он вообще появится у нее после такого сообщения. А что, может, и обойдется...

– Кончай сопеть в трубку!

– Это я соплю... соплю... о-о-о, елки, это же ты сопишь, как самый настоящий медведь!!!

– Давай-давай, переложи с больной головы на здоровую! Твое любимое занятие, кто бы сомневался...

– Слушай, что ты ко мне пристал?! – возмутилась Таисия. – Иду себе, никого не трогаю, мечтаю отдохнуть после работы...

– Честно?

– Само собой.

– Умничка, – довольно прогудел Федор Федорович. – А я с твоей болтовней совершенно забыл, зачем позвонил...

– МОЕЙ болтовней?! – Таисия в сердцах пнула попавшуюся под ноги пустую банку из-под пива. – Да я...

– Вот-вот, слова не даешь сказать, – гулко хохотнул Федор Федорович. – Все «я» да «я»...

Таисия стиснула зубы, но заставила себя промолчать: все равно Федора Федоровича не переспорить. Еще не было случая, когда за ней оставалось последнее слово.

– Вот и чудненько, – одобрил ее молчание Федор Федорович.

Таисия будто наяву увидела его ехидную улыбку и сжала телефон так сильно, что заныли пальцы. Как не раздавила, непонятно.

– Ведь что звоню...

– Я вся внимание, – холодно процедила Таисия.

– Не перебивай, сам собоюсь, ну вот, мысль потерял...

– А она у тебя была?

– О-о, начнем сначала?

– Нет, извини. Ты собирался сказать, зачем позвонил...

– Ах да! Я просто хотел напомнить, что вечером зайду. Планы не изменились, мы по-прежнему штурмуем бары-рестораны, отрываемся, короче, по полной, так что настраивайся заранее...

– ...

– Эй, ты меня слышишь?

– К сожалению.

– Тогда подыщи что-нибудь понаряднее вчерашних драных джинсов и линялой тряпки, которую ты важно обозвала «блузоном»!

– Обязательно, – угрюмо пообещала Таисия.

– Может, заскочить в магазин и что-нибудь купить тебе? На выход? Размеры я твои знаю...

– Нет!!!

– Не доверяешь?

– С чего ты взял? Просто...

– Ну что «просто»?

– Просто... – И Таисия, зажмурившись, выпалила: – Просто я не могу с тобой никуда пойти!

– Что? Я, кажется, не расслышал, какие-то шумы, понимаешь ли, в трубке...

– Все ты расслышал, – хмуро огрызнулась Таисия. – Я сказала – никуда не могу с тобой пойти. Сегодня. Ничего страшного, можно ведь и в другой день, большой разницы не вижу...

Федор Федорович по-прежнему молчал. Таисия широко улыбнулась собственному отражению в витрине: кажется, раунд за ней.

Девушка брезгливо отпрянула: пьяного парня с дурным, плывущим взглядом шатнуло прямо на нее.

Сзади кто-то сдавленно охнул, Таисия только сейчас поняла, что налетела спиной вовсе не на стену.

– Извините, пожалуйста, – виновато пробормотала она, оборачиваясь.

И звонко чихнула, уткнувшись носом в чужую рубашку: от незнакомца почему-то остро пахло сосной, причем крымской. Баба Поля обожала этот запах, она вообще любила Крым. Не центральный, не Ялту даже, а Керченский полуостров с его иссушенными зноем степными просторами и неглубокими теплыми заливами.

– Куда ж я денусь, барышня...

– Что?..

– Извиню, конечно.

Широкие поля шляпы мешали видеть, незнакомец оказался слишком высок. Таисия могла рассмотреть лишь светло-бежевую хорошо отглаженную рубашку, пришлось поднять голову.

Таисия удивленно моргнула: вдруг показалось, что она уже встречала где-то этого человека. Видела худое смуглое лицо и серьезные, даже хмурые глаза, длинные, будто срезанные снизу, совсем не русские.

– Э-э-э... – Таисия стремительно краснела, не представляя, что сказать.

– Не понял, но внимательно слушаю. – Губы мужчины дрогнули, но смотрел он по-прежнему серьезно.

– От вас... крымской сосной пахнет.

– Что?.. – В глазах незнакомца что-то изменилось, и Таисия с изумлением отметила – они вовсе не темные, а светло-карие, даже скорее желтые. И золотых крапинок в радужках становилось все больше...

– Я... просто извинилась. – Таисия быстро опустила голову, чтобы не видеть этих странных тигриных глаз.

– Ясно. – Голос незнакомца прозвучал мягко.

– Мне... пора, – глупо пролепетала Таисия, поспешно отступая к пешеходной дорожке.

– Да, конечно.

– До свидания, – пискнула она и почти побежала прочь.

Удалялась и спиной чувствовала взгляд незнакомца, внимательный и почему-то удивленный.

Лишь на другой стороне улицы Таисия вспомнила про телефон. Осторожно поднесла его к уху и услышала:

– Ну и что опять случилось?!

– Н-ничего.

– Как же – ничего! А перед кем ты только что извинялась?

– Да... так. Налетела на кого-то. Нечаянно. Задумалась и...

– Задумалась она! Сколько говорил – на улице будь внимательнее! И дорогу переходи... кстати, ты сейчас где?

– На тротуаре, честное слово. И я – по пешеходному переходу...

– Ладно, верю, – проворчал Федор Федорович.

Он молчал, и Таисия молчала. Она почти бежала к автобусной остановке, физически чувствуя, как отдаляется от смуглого незнакомца, как истончается, тает тонкая нить, вдруг связавшая их.

Почему – непонятно.

Никогда с ней такого не было.

И потом, разве бывают у людей ТАКИЕ глаза?!

Таисия вздрогнула от неожиданности, снова услышав голос Федора Федоровича:

– К девяти соберешься?

– Что?

– К девяти, говорю, будешь готова? Или лучше заехать за тобой в половине десятого?

Таисия с трудом поняла, о чем речь. И рассеянно пробормотала:

– Я разве не сказала, что не смогу сегодня? Видишь ли...

– Стоп, Мелкая, так не пойдет, – раздраженно прикрикнул на нее Федор Федорович. – Договор дорожке денег, к тому же я и столик заказал, причем на определенное время...

– Но у меня вечером гостя!

– У тебя... что у тебя?!

– Гостя. Самая настоящая.

Федор Федорович раскашлялся. Таисия, уловив его изумление, сердито добавила:

– Если хочешь знать, это моя подруга! Новая.

– Кха-кха... Будто у тебя старые... кха... были... кха...

– Ну и что? Зато теперь... есть.

Про себя Таисия неуверенно добавила: «Может быть».

* * *

Крошечный телефон мгновенно утонул в одном из брючных карманов. Таисия весело хмыкнула: чуть ли не впервые последнее слово осталось за ней. Правда, она прервала разговор, но ведь Федор Федорович не перезвонил?

Нет, в самом деле, здорово вышло бы, сумей они с Элькой Эмих подружиться. Жаль, сегодняшняя встреча чисто деловая.

Таисия всерьез подозревала, что Элька просто пожалела ее. А может, согласилась из любопытства – посмотреть, что за парня вдруг потребовалось срочно окрутить. Наверняка решила, что в друзьях у Таисии могут быть только такие же... чудаки.

По крайней мере, Элька так обозвала ее при прощании. Долго рассматривала, а потом протянула: «Ну ты и чудака! Я думала, такие в наше время не существуют, интересно, в каком заповеднике вас сохранили как вид?»

Таисия только плечами пожала, а что она могла ответить? Что никаких странностей за собой не замечала? Что ей, напротив, странными кажутся все остальные, а сама она – вполне нормальна и тривиальна.

Таисия вообще не понимала, почему частенько раздражала посторонних, чего ради на нее обращали внимание. Сама она, например, никого не трогала, ей вполне хватало книг и собственного мира.

Еще маленькой Таисия могла часами смотреть на падающий дождь и на осень за окном, на цветущую сирень и на плывущие облака, на воду, на огонь и на клумбу с поздними астрами, а люди... Они сами по себе, Таисия – сама по себе.

Ну не любит она краситься, и что? Почему она должна себя мучить? Чтобы понравиться неизвестно кому? Почему же парни не красятся, чем она хуже? Другое дело, если б ей нравился сам процесс...

Ксюха, правда, уверена: Таисия – обычная лентяйка. Нет, не обычная – чудовищная!

Сама Ксюха тратила по утрам по меньшей мере час – приводила себя в порядок. Ресницы, глаза, брови, губы, пудра, кремы, румяна, волосы уложить...

Каторга!

Таисия искренне ей сочувствовала – Ксюха и за хлебом ненакрашенной не выбежит. А перед сном еще макияж снять нужно, опять же – время тратить.

Ну предпочитала Таисия одежду удобную и обувь тоже, что плохого?

Она всегда с жалостью смотрела на девчонок, ковыляющих зимой в сапожках на высоких тонких каблучках.

По гололеду!

Или по снежной каше.

Ради чего или кого?!

Насколько удобнее и комфортнее обувь на плоской подошве, разве не так? Почему мужчины могут себе это позволить, а женщины нет?

Таисия сердито фыркнула: когда заходишь в магазины, плакать хочется – выбора никакого, одни каблук и острые носы. Зато на мужской половине – аккуратная кожаная обувь, мягонькая, удобная, как тапочки, – где справедливость?

Нет, Таисия не феминистка.

Ни в коем случае!

Она прекрасно понимала, что каждый занимает в этом мире определенное место, мужчины одно, женщины другое, еще неизвестно, какое лучше.

Баба Поля считала – женщины счастливее. Во-первых, им легче найти смысл жизни, он в детях, во внуках, в служении близким.

Во-вторых, они эмоциональнее, умеют находить радость в мелочах: ясный день весной ли, зимой ли, осенью ли, полевые цветы на столе или только что распустившаяся роза в палисаднике волнуют их ничуть не меньше, чем успехи в карьере.

В-третьих, если женщину любят и если она САМА влюблена...

Для любящего мужчины весь смысл жизни в ней. Она и подруга, и любимая, и дитя малое, которое хочется оберегать и баловать, без которого немислима жизнь.

Жаль, что любовь птица редкая, не всякий на нее способен, баба Поля говорила – тут тоже талант нужен. Большинство людей жизнь проживают, так и не узнав, что такое любовь.

Таисия встряхнула головой, прогоняя грустные мысли: она-то, похоже, на любовь не способна. Иначе почему ей никто и никогда всерьез не нравился?

Все знакомые девчонки в школе только о парнях болтали и о любви, а она... над книгами чахла. Как-то интереснее казалась ей та же фантастика, исторические романы, детективы или любовная лирика.

Таисия и сейчас свободное время проводила за чтением, чем несказанно злила Ксюху и Федора Федоровича. Правда, по разным причинам.

Федор Федорович считал, что ей нужно чаще бывать на свежем воздухе и вообще жить в реальном мире, а не в книжном.

Ксюха же, чуть что, кричала: «Слишком умная, да?» Причем больше всего ее раздражало, что Таисия никогда не спорила, а молчаливо со всем соглашалась. Не возражала, но поступала по-своему.

Кажется, Ксюха подозревала, что над ней смеются.

Ксюха ненавидела, когда над ней смеялись!

Как-то зимой – они еще учились в школе, Ксюха была классе во втором – в третьем – она предложила Таисии прыгнуть через костер, его во дворе запалили мальчишки.

Огонь щедро подкармливали старыми досками, бумагой. Сухая древесина трещала, стреляла, во все стороны летели искры. Костер разгорелся так, что даже бесстрашные мальчишки то и дело шарахались от хищных языков пламени.

А Таисия пожала плечами и прыгнула. Практически без разбега, с места. И разочарованно оглянулась на костер: всего-то...

Побелевший от этого зрелища Федор Федорович слов не нашел. Влепил младшей сестре смачную затрещину, Таисии же только бессильно показал кулак.

Ксюха стащила с головы красную вязаную шапку и помассировала затылок. А потом обиженно протянула:

– Надо же, не растаяла...

Вечером Таисия едва ли не впервые в жизни рассматривала себя в зеркале: и правда, похожа на Снегурочку. Только не на новогоднюю девочку – яркую и нарядную, а на... скучное изделие из снега. Глазки-льдинки, светлые реснички, брови, волосы, бледная кожа – все тонко, хрупко, ненадежно...

Понятно, почему маленькая Ксюха надеялась, что она растает. Наверное, малышка ревновала ее к старшему брату.

Таисия не поняла тогда, расстроило ли ее это открытие, она еще не пришла толком в себя после смерти родителей. Но бабу Полю в тот же вечер спросила:

– Я некрасивая?

Старушка отложила в сторону готовый пирожок.

Взялась лепить следующий и буднично сказала:

– Не знаю.

Таисия, уверенная, что ее станут уверять в обратном, растерялась. А баба Поля улыбнулась:

– Ты та, кем себя считаешь.

– Но...

– Просто поверь мне.

– А ты-то, ты! Сама-то как думаешь? У тебя же глаза на месте, нет?!

Баба Поля отряхнула руки от муки и рассмеялась. Легко рассмеялась, от души, она никогда себя не насиловала. Нежно коснулась губами лба девочки и сказала:

– Дурочка, разве я вижу тебя глазами?

– А... чем?

– Сердцем.

Таисия хмуро молчала. Баба Поля задумчиво протянула:

– Близкого человека видишь только сердцем, запомни, Таисия. Чужого – глазами. Тогда в любой красавице найдешь изъян.

«Значит, я некрасива, – рассеянно подумала девочка. – Иначе бы баба Поля не философствовала...»

– Да красива ты, красива, успокойся, – как всегда, угадала ее мысли няня. – Просто ты пока... как нераскрашенная картинка. Знаешь, детские раскраски в книжных магазинах продаются? Там все рисунки сделаны простым карандашом на белом листе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.